Глава VIII

ИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА А. В. КИРЕНСКОГО

Многогранна и плодотворна память о Леониде Васильевиче Киренском, как многогранной и плодотворной была его жизнь и деятельность. Институт физики, научные труды, ученики — это главное в наследии академика Киренского.

А еще остались стихи Леонида Васильевича. Зерна поэзии, посеянные отцом в пору амгинского детства, обильно проросли в юности и не угасали все последующие годы. Напротив, это увлечение стало пламенной страстью Киренского, сохранило в нем бесценный дар удивляться и радоваться прекрасному, сделало его интересным, обаятельным человеком, чутким к чужой радости и беде. Разбросанные по многочисленным записным книжкам, записанные на обложках книг или случайных клочках бумаги, стихи помогают глубже узнать отдельные стороны его деятельности. Восстановить и понять события его нелегкой и напряженной жизни, а главное, проникнуть в мир его раздумий (радостных, тревожных, мучительных) в те часы, когда Леонид Васильевич оставался наедине с самим собой.

Стихи Л. В. Киренского позволяют убедительно судить об источнике его внутренних сил, которые на разных этапах жизни и деятельности ставили его выше привычной человеческой незаурядности, позволили ему раскрыть свои способности и воплотить их в большие и добрые дела. Источником этих сил была любовь к сибирской земле, преданность ей, сознание высокой ответственности перед нею.

Из статьи Н. С. Чистякова «Нам добрый оставить положено след», опубликованной в книге: «Краснояры сердцем яры: рассказы о людях нашего края», Красноярск, 1984 г.

Некоторые стихотворения Леонида Васильевича уже были представлены в воспоминаниях и его письмах. Здесь собраны стихи разных лет, по которым читатель лучше представит себе богатый внутренний мир человека, которому предстояло очень много сделать в жизни. Часть ранних стихов опубликована в газетах и журналах того времени. Большинство же сохранилось в записных книжках Киренского, его близких и друзей. Последнее стихотворение было написано уже в больнице.

НАУКА

Наука — путь правды к свободе народа,
Наука — звезда среди темных небес,
И силе науки сдается природа,
Наука открыла нам много чудес.

И тьму вековую восхода лучами
Наука разрушит и мир озарит
И светлыми, ясными счастья стрелами,
Сияя, свободный народ озарит.

Забудутся войны, забудутся муки,
Настанет великий торжественный год,
И с радостной песней простертые руки
Приветствовать будут желанный восход.

И силы великие вольной природы
Науке всезнающей дань отдадут,
Под общее знамя стекутся народы
И солнцем заблещут наука и труд.

«Таежные огоньки». Якутск, 1923 г., № 1

КРАСНЫЙ ДИРИЖАБЛЬ

Взвейся гордо вольной птицей
Жизни красной дирижабль!
Вижу радостные лица...
То — Великий наш Октябрь.

Он пришел, а в дни былые,
В дни несчастья и невзгод,
Гибли силы молодые,
Но пришел великий год.

И под стяг труда и света
Гром Октябрьский нас призвал,
Встала гордо Власть Советов,
Сброшен с трона капитал.

Вижу радостные лица,
Ярко рдеет наш Октябрь.
Взвейся гордо вольной птицей
Красной жизни дирижабль!

«Таежные огоньки». Якутск, 1924 г., № 4

ГРОЗА

Темнеет небо, гром гремит
И душу радостью тревожит,
Свободу, счастье ей ворожит
И о просторе говорит.

“Взгляни вперед — какой простор“
Мне змеи-молнии шептали,
И грозно так пестрели дали,
И так ласкали тучи взор.

К тебе, свободная стихия,
Я рвусь свободною душой,
И как сливаются со мной
Твои порывы молодые.

И вот промчались, наконец,
Грохоча молнии и бури,
И блеск полуденной лазури
Ласкает тысячи сердец.

Прошла гроза, и встал народ,
Сверкая мощью коллективной,
И гимн труда, свободы дивной
По свету радостью поет.

«Таежные огоньки». Якутск, 1924 г., № 3

* * *

Пускай с тобой огни столицы,
Со мной — задумчивый костер,
А эти строки, словно спицы,
Плетут причудливый узор.

По кругу время Землю водит...
Погас пылающий закат,
На караул Луна выходит
С винтовкой света, как солдат...

Луна, сильнее светом брызни,
Я не хочу бродить во мгле,
Хочу отдать всю жизнь для жизни,
Всему, что дышит на Земле.

А ты ответь, как самый близкий,
Я оправдаю или нет,
Свою недолгую прописку
На этой лучшей из планет.

* * *

Беспечно и мерно колеса стучат.
Москва, я тебя покидаю.
И, что никогда не вернусь я назад,
Я это доподлинно знаю.

Меня, среди темных таежных хребтов
У стынущих вод Енисея,
Согреет Сибирь изумрудом снегов,
Кавказского солнца теплее.

Мы будем заглядывать в очи озер
Сквозь гущу ресниц камышовых,
В богатые недра проникнет наш взор
Для строек великих и новых.

А если покажется что-то не так,
И камнем сомнение встанет,
Пусть в сердце проснется могучий Ермак,
И Суриков руку протянет.

* * *

Друзья, друзья! На русских реках
Воды так много утекло,
И вот, в профессорских доспехах
Нас снова к другу занесло.

И хоть теперь мы оппоненты,
В снегу холодном голова ...
Мы все по-прежнему студенты,
Все остальное — трин-трава.

А память милые картинки
Нам чертит четко и легко...
Как мы на рынке у Стромынки
На хлеб меняли молоко.

Бывали грустные моменты...
Бывали жаркие слова...
Мы все по-прежнему студенты,
Все остальное — трин-трава.

НОЧЬ

Шагая по снегам глубоким,
Сжимая вежды крепким сном,
Ко мне с далекого Востока
Пришла и села на окно.

Мечтою, обвивая гибкой,
К подушке голову клоня,
Подводит с хитрою улыбкой
Под песни резвого коня.

В мечтах на грудь ко мне склоняет
Любимой нежное чело,
И сон куда-то улетает,
И песни прыгают в седло.

На Запад, где едва лишь вечер,
Они стремят стопы свои,
Чтоб рассказать о жажде встречи
И муках радостной любви.

Все взбудоражила в поэте,
Терзала мысль, лишила сна,
И в набегавшем рассвете,
Вдруг прочитавши строчки эти,
Легонько спрыгнула с окна.

* * *

«“Если ты можешь не писать, не пиши” — эти слова великого художника я всегда внушал себе, внушал долго, терпеливо. Но... сердце хотело петь. Оно хотело петь о моей пройденной жизни, и эти песни сильнее меня...»

О песни! Снова мне не спится.
Я вас забыть хотел давно,
Но вы крылом голодной птицы
Опять стучитесь мне в окно.

Я злобе бешеной покорный
Захоронил вас в глубь земли.
А вы свои пустили корни,
Цветами пышно расцвели.

И одержимый мыслью черной,
Судьбу безжалостно кляня,
Я вас швырял в костер огромный,
Но вы вставали из огня.

С самим собой в бесплодном споре,
Не раз в предутренний туман,
Я вас бросал из шляпки в море,
Но... слишком мелок океан.

* * *

«И верно! Сколько же строк сожжено, сколько развеяно ветром! Сколько мыслей и чувств похоронено в пучине огромных сибирских рек, на склонах диких сопок, на таежных дорогах Якутии, у синих гор Кавказа. Сколько звонких песен заглушил шум огромного города, тяжелой цепью легли думы мои на дно Балтийского и Черного моря. Жить осталось немного. Соберу ли я их?...»

Голос птиц ароматен и звонок,
Как бокал молодого вина...
А вокруг с подмосковной березы
Золотая летит седина.

Осень жизни... ну, что ж... не пора ли?
Время жатвы и теплой тоски.
Видно, песни мои отзвучали,
Белый иней покрасил виски.

И пешком, и на «пушкинских дорогах»,
На машинах, в вагонах, на ТУ
Через жизнь на бескрайних дорогах
Я пронес золотую мечту.

* * *

Спит город дымком закрытый...
Роняют тучи гроздь слез...
Седой октябрь холодной бритвой
Срезает бороду с берез.

Луна огромным медным тазом
Из туч мелькнет и снова нет...
А мне по всем земным указам
Пришла пора держать ответ.

А сердце гложет и не гложет,
И мысли хлынут через край,
И подсчитать пора, быть может,
Какой же собран урожай.

Я долг теперь лишь — как не складно —
Червонным золотом плачу...
Что ж делать, коль совсем неожиданно
Мне груз достался по плечу.

И потому, на этом свете
Сейчас с косою не ходи!
Не торопи меня с ответом,
И, если можешь, подожди!

* * *

Жизнь — роман без редакторской правки,
И на тему, увы, не одну...
В детстве как-то мои бородавки
Заговаривали на Луну.

На кладбище пустынно и жутко,
Как ты страх от себя не гони...
Что-то там нашептала якутка,
И, представьте, исчезли они.

Много песен с тех пор отзвучало...
Бродит старость моя у окна...
Привела на страницах журнала
Свой упрямый затылок Луна.

В бородавках таких неказистых...
Я хоть этак, хоть так повернусь,
Безусловно, хожу в атеистах
И злых духов совсем не боюсь.

Но порою бывает так жутко...
И горят где-то злые огни...
Приходи же, как прежде, якутка,
Пошепчи, пусть исчезнут они.

* * *

А так, я обычно лечусь на «Шира»...
«Шира»? Я курорт этот знаю,
Отстроить как надо его бы пора,
Да хата приходится с краю.

Колоннами этот курорт не одет,
В бревенчатых избах уютятся,
В ста метрах холодный стоит туалет,
Изволь после ванн прогуляться.

В Сибири источники дивные есть,
Бесценны их ценные воды,
Озер и целительных грязей не счесть —
Дары богатейшей природы.

Здоровья, как всюду, желая, любя,
На них, против Сочинских правил,
«Насколько убавил?» — не спросят тебя,
А спросят — «Насколько прибавил?».

Комфорт? Здесь курорту не спущено прав...
Причина? А кто же ее знает.
Ответить на это бы должен Минздрав,
А вдруг он в Крыму отдыхает?
Я юга курорты люблю и цену,
И славу их здравниц я знаю...
Но те же удобства, культуру, меню
Сибирским курортам желаю!

ОТВЕТ НА ПИСЬМО

Друзья! Я рад, что чахохбили
Страсть к строганине не убили,
Что Лев, по-прежнему, в цыган
Влюблен, как негра в Ку-Клус-Клан,
Что, сбросив лекций тяжкий крест,
Творить он будет весь семестр.
И, уж, конечно, очень рад,
Что вам поставлен аппарат.
В Москву теперь польются речи...
Пока, друзья, до новой встречи.

* * *

Недавно письмо мне пришло из села
От друга далекого детства,
О многом он пишет и снимки прислал.
Как жизнь там далеко шагнула...
На снимках я то и не то увидал,
Ну что ж, ведь полвека минуло.
Три дерева там, где овражная щель,
Мы с ним посадили когда-то...
На снимке я вижу огромная ель —
Трудов наших детских оплата.
Одна лишь прошла через годы невзгод
Наградой труду и терпению.
Не все, что посадишь, как надо взойдет,
Обрадует путника тенью.

ЗАМЕТКИ

Но... мой конь замирает на месте.
И чертям всем и сплетням назло,
Напевая веселую песню,
Я опять поднимаюсь в седло.

Не страшусь я ни света, ни тени...
Ты мне силу такую дала,
Что смогу еще сотни падений,
Лишь бы шея осталась цела.

Что сказать моей старенькой маме?
Мама, скоро я буду в Амге...
Я, наверно, родился в пижаме,
Где-то там, в этой самой тайге.

ИЗ ПОЗДРАВЛЕНИЙ...

(Слободским)

Мы, как всегда, полны надежды
Вас часто видеть у стола,
Чтобы и впредь — точь-в-точь — как прежде
Еда как музыка была.

* * *

Хотим, чтобы как в дни былые
К нам приходили Слободские...
Чтоб был бы Женечке, без смеха,
Этаж наш третий не помеха,
И чтобы наш любимый Лев
Бросал бы нельму в львиный зев
Той строганиною отличной...
И запивали бы столичной.

ПОСЛЕДНИЕ ЗАПИСИ...

«...Принимаю невиданное количество уколов, так что место пониже спины напоминает лунную поверхность, усыпанную кратерами.

ИНФАРКТ! А как могло быть иначе?

Прожить 60 в такой бешеной гонке и не получить инфаркт — это просто свинство.

Лежать велят только на спине. Правую руку имею право положить за голову, а левую нет»...

Дает Земля вокруг светила
Со мной последние круги.
Сибирь, тебе был верным сыном
Мальчишка шустрый из тайги.
Он, оглянувшись на дорогу,
Что по вселенной в смерть ведет,
Не бьет ненужную тревогу
И никаких не просит льгот.
Ну а пока что над балконом
Еще горит его звезда!
В поток истории со звоном
Размерно падают года...